

УДК 910 : 911

© А. Г. ИСАЧЕНКО

**ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ОБЛАСТИ
ПОСЛЕДНЕГО ОЛЕДЕНЕНИЯ РУССКОЙ РАВНИНЫ**

Содержание предлагаемой статьи по существу есть продолжение темы, затронутой автором ранее [8]. Речь шла о необходимости разработки концептуальных теоретико-методологических основ исторической географии, которая пребывает в состоянии аморфной, неудержимо расползающейся сферы исследований. В упомянутой статье излагалась попытка сформулировать основные принципы историко-географического районирования. Независимо от того, удачна или неудачна эта попытка, осуществление единого подхода к такому районированию еще далеко не обеспечивает должного научного уровня и единства характеристик выделяемых регионов. Об этом можно судить при сопоставлении опубликованных историко-географических характеристик различных регионов северо-запада Русской равнины. Кстати сказать, эта территория — одна из наиболее изученных в интересующем нас отношении и может представлять благодатный «полигон» для выработки общих подходов и методов исследований.

Исторической географии Северо-Запада посвящено несколько монографий разных авторов, охватывающих три отдельных части территории региона. При этом в двух случаях в качестве объектов исследования приняты подразделения АТД — области Новгородская [6, 7] и Псковская [16], и лишь в одном — особый историко-географический регион, охватывающий западную часть Ленинградской области [10]. Обоснованность выделения этого региона не вызывает сомнений, хотя в современной топонимике для него не нашлось подходящего географического наименования. Возможные варианты — Балтийско-Ладужский регион, или Невский край, но автор предпочел пушкинское «Окно в Европу», и надо признать, что лучше придумать трудно.

Расхождения в подходах между авторами далеко не ограничиваются сказанным. Они проявляются и во временном охвате темы. Для Псковской области в качестве «точки отсчета» принято начало государственности с появлением центров в Изборске, а затем в Пскове. Историческая география Новгородчины дается по принципу дискретных хронологических «срезов». Основной из них охватывает время с конца XV в. до второй половины XVII в., когда в Новгороде велись писцовые книги. Затем автор переходит к последней трети

XVIII в., когда в России началось генеральное межевание. На этих двух типах источников построены «срезы» автора, но связной картины эволюции за весь исторический период мы не получаем. Автор «Окна в Европу» ограничил свое исследование периодом последних 500 лет, но предпослал ему основательный обзор *предыстории*, практически охватывающий весь голоцен, с особым вниманием к первым столетиям русской государственности.

Нельзя далее не отметить существенные «нестыковки» в самом содержании рассматриваемых публикаций. Автор работ, посвященных Новгородской области, практически свел историческую географию к истории сельского расселения и сельскохозяйственного землепользования, т. е. к тому, что документировано в писцовых книгах и материалах генерального межевания. В обзоре исторической географии Псковской области, напротив, довольно подробно рассмотрена история развития городских поселений, но мало внимания уделено сельскому расселению. Но в центре внимания авторов — внутренние территориальные различия в говорах и топонимике, что, конечно, имеет отношение к исторической географии, но не составляет ее приоритетные элементы. Обращаясь к «Окну в Европу», мы находим исследование, содержание которого можно считать наиболее адекватным целям и задачам научной исторической географии. Это можно объяснить комплексным ландшафтно-географическим подходом автора.

Нелишне заметить, что все авторы региональных историко-географических работ по Северо-Западу Европейской России так или иначе учитывают ландшафтную структуру региона — в той ее форме (иногда с некоторыми частными коррективами), в какой она представлена в монографии по физико-географическому районированию Северо-Запада почти пятидесятилетней давности [9], поскольку более новых за это время не появилось. В. С. Жекулин анализировал сельское расселение строго по сетке низовых ландшафтных регионов; А. Манаков и И. Кулаков «привязывают» границы историко-географических территориальных подразделений разных категорий в пределах Псковщины все к той же ландшафтной структуре Северо-Запада. А. Г. Манакову принадлежит также монография о геокультурном пространстве северо-запада Русской равнины [15], в которой приводится детальное историко-культурное районирование в виде группировки ландшафтных районов, по [9]. Естественно возникает вопрос о связи историко-культурного районирования с историко-географическим, но обсуждение этой темы увело бы нас далеко в сторону.

Что касается ландшафтно-географического подхода к историко-географическому исследованию конкретных территорий, то вряд ли есть необходимость распространяться о его сущности и значении. Более актуальными представляются некоторые вопросы, связанные с собственно исторической стороной этих исследований. Отсутствует ясность относительно их временных рамок, соотношений с палеогеографией, этнической и политической историей.

Каждый исследователь вправе выбирать для изучения любой хронологический интервал, но должно быть четко определено его место в непрерывном процессе эволюции природно-общественных отношений. Этот процесс протекал неравномерно в разных ландшафтных регионах, что и определяет необходимость участия географа в познании его закономерностей. Известно, в частности, что в низких (тропических, субтропических) широтах развитие цивилизации началось за несколько тысячелетий до того, как во многих

регионах умеренного пояса, испытавших материковые оледенения, впервые появился первобытный человек. Отсюда ясно, что «точка отсчета» начала исторической географии не может быть одной и той же для всех ландшафтных регионов.

Сфера исторической географии охватывает этап, как бы подводящий итоги всей предшествующей эволюции человечества. Продолжительность этого этапа во временных масштабах человеческой истории незначительна, но его значимость исключительно велика.

Существуют, как известно, разные подходы к периодизации эпохи истории человека. Наиболее генерализованная и простая схема была предложена в начале второй половины XVIII в. А. Фергюсоном, который разделил всю историю человечества на 3 этапа: дикости (соответствующий эпохе первобытного человека), варварства и цивилизации. Эту схему во второй половине XIX в. развил Л. Г. Морган, и ее принял Ф. Энгельс в своем исследовании первобытного общества [21]. Некоторые советские ортодоксы от философии усмотрели в известном труде Ф. Энгельса ошибки и отступления от марксизма [12, с. 484—485], хотя в основном концепция Морган—Энгельса не противоречит марксизму. Эта концепция относится к истории первобытного общества и не затрагивает эпоху цивилизации, которая оказалась в центре внимания классиков марксизма.

Трехчленная схема истории человеческого общества была практически общепринятой в конце XIX в. Наибольшие расхождения в среде историков и философов возникли в оценке и более детальной периодизации эпохи цивилизации. Марксисты в этом отношении могут считаться оптимистами: они верили в прогрессивное развитие цивилизации, ведущее к коммунизму. Но известны и скептики, отрицавшие единство цивилизации как мирового процесса прогрессивного развития человечества. Так, в начале XX в. О. Шпенглер выдвинул концепцию замкнутых культур, развитие каковых неизбежно завершается этапом деградации и распада, который он именовал цивилизацией [20].

В практике научных исследований разных дисциплин выработались свои, более детальные схемы периодизации человеческой истории, более или менее коррелирующие между собой. В археологии принято различать каменный век (с подразделением на палеолит, мезолит, неолит), век бронзы и век железа. Это деление практически не пересекается с эпохой цивилизации. Но хронологические рамки существенно варьируют по ландшафтным регионам, так что неолит и цивилизация могут сосуществовать во времени.

В палеогеографической (и одновременно историко-геологической) периодизации эпохе существования человека на Земле соответствует четвертичный период, не случайно получивший современное название *антропоген*. Этот период подразделяется на два резко неравных по продолжительности отдела — плейстоцен и голоцен. Первый охватывает всю эпоху материковых оледенений и в общих чертах — первобытную историю человечества. Вся история цивилизации укладывается в рамки голоцена — послеледникового времени продолжительностью 10—12 тыс. лет из примерно 2 млн лет всего антропогена.

Может возникнуть вопрос: не следует ли рассматривать историческую географию как последний раздел палеогеографии? Формально ответ может быть положительным. Однако задачи, методы исследования и содержание этих дисциплин различны. Палеогеография изучает развитие *природы* Земли, она тесно связана с геологией и относится к естественным наукам. Историче-

ская география имеет своей целью познание законов взаимодействия между человеком и природой (географической средой), она в значительной степени опирается на науку об истории общества и находится на стыке естественных и гуманитарных наук. Принципиальное отличие голоценовой палеогеографии от всей предшествующей истории Земли состоит в том, что человек становится новым, мощным и в определенном смысле опасным фактором развития ландшафтов и всей ландшафтной сферы Земли.

Сказанное, однако, не должно исключать тесных связей и перекрытий между исторической географией и палеогеографией. Непрерывные изменения географической среды оказывали более или менее глубокое влияние на ход человеческой истории, и нередко палеогеографические события отдаленного прошлого, такие как материковые оледенения, тектонические поднятия и опускания, морские трансгрессии и регрессии, оказываются унаследованными и косвенно проявляются в современных территориальных общественных различиях.

С точки зрения историкогеографа процесс эволюции человечества можно разделить на два главных этапа: назовем их условно доисторическим и историческим. К сфере интересов исторической географии непосредственно относится второй из этих этапов, который отвечает цивилизации в классической трехчленной схеме Фергюсона—Моргана. Основные «приметы» его наступления: разложение первобытно-общинного строя и возникновение социальных классов; переход от присваивающего природопользования к производящему земледельческому, от бродячего образа жизни к оседлому; зачатки государственности и территориальных систем расселения с постоянными опорными населенными пунктами (административными и торгово-ремесленными центрами, укрепленными пунктами); появление письменности, а вслед за ней и других показателей прогресса в культуре, наконец — интенсификация антропогенного воздействия на ландшафты и увеличение многообразия его форм (сведение лесов под сельскохозяйственные угодья, сооружение плотин и каналов и др.).

Важно отметить существенные различия в источниках информации по истории двух названных эпох и в методике научных исследований. Если наши знания о доисторической эпохе основываются преимущественно на данных археологии, то при изучении исторической эпохи на передний план выступают письменные источники, включая летописи, хроники и разного рода документацию (например, кадастровую). Особое внимание следует обратить на значение натурных наблюдений в современных ландшафтах. Они необходимы не только потому, что ландшафты составляют инвариантное звено в системе связей человека и природы, служащей предметом историко-географических исследований. Натурные исследования современных ландшафтов позволяют выявить многие следы былых антропогенных воздействий. Кроме того, изучение текущей динамики ландшафтов позволяет использовать метод актуализации для реконструкции характера природно-общественных взаимодействий исторического прошлого и их последствий.

Фундаментальное значение для исторической географии имеет *гетерохронность* исторических событий, т. е. их несовпадение как во времени, так и в пространстве, — идет ли речь о природных явлениях (отступление материковых ледников, усиление сухости климата и т. д.) или общественных (начало пашенного земледелия, появление письменности и т. п.). Это обстоятельство затрудняет определение всеобщих (мировых) рубежей этапов исторического

развития, в том числе и этапа цивилизации. По существу употребление термина «цивилизация» в единственном числе в данном случае некорректно, так как в течение всей исторической эпохи существует множество самостоятельных конкретных цивилизаций. В таком значении цивилизация как особая пространственно-временная общественная система может рассматриваться как один из двух взаимосвязанных объектов исследования в исторической географии (вторым служат природные геосистемы). Впрочем, прежде чем обсуждать этот вопрос, необходимо внести определенность в понятие «цивилизация», ибо в настоящее время оно используется в духе плюрализма весьма широко и свободно, в частности и как синоним культуры.

Весь фактический материал исторической географии должен быть «организован», т. е. обобщен и упорядочен по системе историко-географических регионов, которые можно рассматривать как пространственно-временные системы, относительно однородные как по принадлежности к определенным периодам общественной истории, так и по ландшафтной структуре.

При всей принципиальности различий между двумя эпохами — исторической и доисторической — между ними нет пропасти, и переход от первой ко второй не имеет скачкообразного характера. Отмеченные выше «приметы» исторического периода не возникали синхронно. Нередко их зарождение восходит к временам «варварства», когда, например, возникали очаги примитивного земледелия, крупные населенные пункты и т. д. Таким образом, процесс перехода от одной эпохи к другой имел более или менее растянутый во времени характер, что определяет необходимость выделять переходный период, или (применительно к исторической географии) *предысторию*. Каждый историко-географический регион имеет свое начало, датировка которого обычно в той или иной мере условна. Нередко для этого используются даты каких-либо особо заметных событий (основания той или иной властвующей династии, крупного поселения, время знаменитой битвы и т. п.), но подобные даты имеют преимущественно символическое значение.

Надо заметить, что реликты «варварства» могут сохраняться во многих регионах, вплоть до настоящего времени. Их носителями служат народы, хозяйство и культура которых продолжают основываться на традиционном природопользовании (оленоводство, охота, морской зверобойный промысел, кочевое скотоводство).

В изучении предыстории историко-географического региона можно различать два аспекта — палеогеографический и этноисторический. Первый связан с состоянием географической среды и в особенности с ее изменениями на протяжении переходного периода. Второй — относится к процессам расселения людей, их адаптации к природным условиям, миграциям, формированию этнических групп, их взаимоотношениям, закреплению на определенной территории и т. п.

Ниже в краткой форме излагаются некоторые результаты анализа предыстории Северо-Западного региона Русской равнины, относящегося к области последнего материкового оледенения. Этот регион можно считать весьма подходящим экспериментальным полигоном для разработки самых разных проблем исторической географии. Он характеризуется заметной общей физико-географической спецификой и вместе с тем существенным внутренним ландшафтным разнообразием. В истории России этому региону всегда принадлежало ключевое геополитическое положение; отсюда ведет свое начало государственность страны, отсюда начинались важнейшие политические и

социально-экономические переломы. К этому можно добавить, что в течение трех последних столетий здесь располагается научный и культурный центр страны, из которого исходят, в частности, и первые разработки в области палеогеографии четвертичного периода, ландшафтоведения и исторической географии.

Основные черты голоценовой палеогеографии северо-запада Русской равнины. Особенности географической среды и изменения природных условий обитания человека в течение послеледникового периода целесообразно рассмотреть по двум главным направлениям — климатическому и оротектоническому.

Среди новейших попыток реконструкции климатических изменений в голоцене заслуживают внимания результаты климатологической интерпретации многолетних палинологических исследований в среднетаежной подзоне Карелии [18]. Хотя они относятся к южной окраине Балтийского щита (около 62° с. ш.), полученные авторами выводы в целом согласуются с более или менее отрывочными данными по различным районам Северо-Запада Европейской России. Для анализа принята традиционная геохронологическая шкала Блитта-Сернандера, согласно которой голоцен разделяется на 4 отрезка времени («времена»). Авторы цитируемой ниже работы отмечают циклический (или псевдопериодический) характер климатических изменений в голоцене, с частым чередованием потеплений и похолоданий, увеличения и уменьшения количества атмосферных осадков. Тем не менее можно установить определенные тренды, присущие каждому из четырех «времен».

Бореальное время (9300—8000 л. н.)¹ наступило после предбореальной фазы (10 300—9300 л. н.), переходной от плейстоцена к голоцену, когда чередовались неоднократные потепления и похолодания. К 8500 л. н. температура впервые превысила современный уровень, но 8500 л. н. она резко упала.

Атлантическое время (8000—4700 л. н.) обычно характеризуется как климатический оптимум голоцена. Авторы [18] отмечают 6 фаз потепления с относительными похолоданиями между ними, но температура никогда не опускалась ниже современной. Самое теплое время относится примерно к 6000—5000 л. н., с максимумом около 5500 л. н., когда средняя температура июля превышала современную примерно на 2.5 °С. Зимы также были теплее, чем в настоящее время, а количество годовых осадков несколько превышало современное, но к концу периода отмечается их понижение, что дало основание некоторым исследователям особо выделять так называемый ксеротермический период (5000—4000 л. н.).

Суббореальное время (4700—2500 л. н.) начинается заметным похолоданием; к 4500 л. н. июльская температура была на 0.5—1.0 °С ниже современной. Однако затем последовало чередование нескольких фаз потепления и похолодания, а в целом температура оказалась выше современной.

Субатлантическое время (2500 л. н. — наше время) практически охватывает всю историческую эпоху развития современных цивилизаций в умеренных широтах и в этом отношении представляет наибольший интерес. Однако более подробное рассмотрение климатических изменений этого времени уместнее связывать непосредственно с комплексным историко-географическим

¹ Геохронологический отсчет времени ведется ретроспективно начиная с современности, так что цифры в скобках означают число лет тому назад (сокращенно л. н.), согласно радиоуглеродной датировке.

анализом соответствующей эпохи и соответствующей территории. Поэтому здесь ограничимся самыми общими замечаниями.

Реконструкция изменений климата последней эпохи становится более надежной благодаря появлению письменных документов (летописей, хроник и др.), а в последние три столетия — сначала эпизодических, а затем и систематических, приобретших глобальный характер инструментальных наблюдений. И все же в трактовке закономерностей климатических перемен остается много спорного. За последние тысячелетия в различных широтах наблюдаются непрерывные и достаточно резкие колебания температурного режима и атмосферного увлажнения, которые не могли не сказаться на жизни людей и, в частности, в их миграциях на дальние расстояния. Здесь мы пока коснемся лишь колебаний первого порядка, со сверхвековой амплитудой, которые ряд исследователей связывают с трансгрессивными или регрессивными фазами 1850-летнего ритма А. В. Шнитникова [19].

С историко-географической точки зрения субатлантическое время можно разделить на три основные фазы.¹

1) 500 г. до н. э.—200 г. н. э. Относительно прохладная и влажная фаза. Началась сильным похолоданием, которое продолжалось примерно в течение двух столетий, после чего наметились две волны потепления, разделенные временным похолоданием [18].

2) 200—1200 г. Фаза, часто называемая малым климатическим оптимумом, известная также как эпоха викингов: к этому времени относится активизация плаваний скандинавов в северных морях. Е. П. Борисенков и В. М. Пасецкий относят к эпохе малого климатического оптимума только период с VII по XII в. [2]. Согласно материалам палинологических исследований центральной Карелии, после 200 г. максимальное потепление происходило около 700 и 1000—1100 гг. [18]; превышение июльской температуры воздуха над современной достигало примерно 1 °С, осадков выпадало несколько больше, чем в настоящее время.

3) После 1200 г. Фаза, окончание которой не нашло однозначного определения. Это в значительной степени связано с резким усилением вмешательства человека в естественные атмосферные процессы и отсутствием единого взгляда на результаты этого вмешательства. В целом фаза характеризуется общим относительным похолоданием, продолжавшимся до середины XIX в., что дало основание говорить о малом ледниковом периоде XIII—XVIII вв. [2]. На этом общем фоне отмечается чередование квазивековых волн наибольшего похолодания около 1300, 1500, 1800, а также 1900 гг., и потепления около 1400, 1700 и 1850 гг. [18].

Следует учесть, что колебания климата Субатлантического времени, как и предшествующих этапов голоцена, имеют разные территориальные масштабы и им присуща региональная гетерохронность. Некоторые изменения охватывали значительную часть Северного полушария, тогда как другие проявлялись в значительно более узких пространственных рамках, не охватывавших всю территорию северо-запада Русской равнины.

Для нас представляют особый интерес последствия палеоклиматических изменений, неизбежно возникавшие в других компонентах ландшафтов и в конечном счете повлиявшие на расселение людей и их хозяйственную деятель-

¹ Отсчет дат событий исторической эпохи удобнее вести в общепринятой системе христианского летосчисления, т. е. от условного «нуля», принятого за начало нашей эры. Даты с «обратным знаком» обозначаются аббревиатурой «до н. э.».

ность. В научной литературе можно найти немало материала на эту тему, и было бы безнадежным пытаться подробно анализировать его в журнальной статье. Так, в работах А. В. Шнитникова и ряда других авторов основательно рассмотрено влияние ритмических изменений температур воздуха и атмосферного увлажнения на режим речного стока, колебания уровней озер и т. д.

В данном случае особый интерес представляют общие тенденции изменения ландшафтной структуры региона, которые наилучшим образом выражены в динамике зональных типов растительного покрова, непосредственно связанной с макроклиматическими переменами. Можно считать неоспоримым преобладание таежного и подтаежного типов растительности на большей части территории северо-запада Русской равнины на всем протяжении голоцена. Кроме того, имеются свидетельства (в основном палинологические) захождения сюда с юга широколиственных лесов. Доказано также, что пространственные соотношения этих трех зональных типов подвергались более или менее существенным сдвигам. Так, в бореальное время на севере региона, по-видимому, еще существовала лесотундра, тайга продвинулась далеко на юг; в период климатического оптимума (Атлантическое время) зоны сдвинулись к северу и на южной окраине региона появились широколиственные леса. Однако дать более точную оценку масштабов смещения ландшафтных зон весьма затруднительно. Остается много неясного в истории взаимоотношений основных древесных пород (ели, сосны, березы, широколиственных). Ориентироваться в этой ситуации на расчеты изменений температурных показателей следует с большой осторожностью. Надо учесть, что древесным породам тайги присущ широкий экологический диапазон адаптации к температурным условиям среды. На резкие колебания температуры воздуха они реагируют изменением ежегодного прироста фитомассы, что наглядно иллюстрируют дендрохронологические данные. Одно поколение таежных деревьев может выдержать неоднократно смены экстремальных температурных ситуаций. Поэтому по одиночным температурным экстремумам нельзя судить о возможных сдвигах зональных границ. Эти границы, в частности, довольно хорошо коррелируют с изотермами средних июльских температур воздуха. Если принять, что наиболее значительные экстремумы июльских температур голоцена превышали современные величины примерно на 2.5°C , то при среднем для Северо-Запада и сопредельных регионов широтном градиенте средних июльских температур около 0.3°C на 100 км по широте это должно соответствовать смещению зональных границ примерно на 750—800 км к северу. При такой ситуации северная граница зоны широколиственных лесов должна была располагаться вблизи 60° с. ш., т. е. на широте С.-Петербурга, Волхова, Белозерска. Зона же подтайги сместилась бы примерно до р. Кемь в Карелии.

Если же принять во внимание, что естественные древостои на протяжении жизни одного поколения испытывают частую смену экстремально высоких и экстремально низких температур и принять, что среднее превышение показателя над современным было не более $1.0\text{—}1.5^{\circ}\text{C}$, то зона широколиственных лесов не должна была заходить севернее Великих Лук, а подтайга — не севернее Петрозаводска.

Так или иначе, надо полагать, что современная зональная структура области Валдайского оледенения сложилась к началу Субатлантического времени и с тех пор ее возможные локальные и кратковременные колебания сильно затушеваны хозяйственной деятельностью человека, в особенности интенсивным сведением и эксплуатацией лесов.

Наряду с макроклиматическими колебаниями важную роль в голоценовых изменениях ландшафтов играли факторы тектонического происхождения, а также эвстатические изменения уровня Мирового океана, связанные главным образом с таянием материковых ледников. Среди тектонических факторов различаются гляциоизостатические поднятия Балтийского щита вследствие разгрузки от ледяного покрова и дифференцированные оротектонические движения земной коры. Первые наиболее интенсивно проявлялись вблизи центра оледенения и затухали к периферии, вызывая, в частности, «перекос» поверхности приморских террас на Карельском перешейке, а также перестройку гидрографической сети, со смещением устьев рек и водных масс озер к югу.

Совместное действие перечисленных факторов обусловило неоднократную перестройку соотношений суши и моря на южной окраине Балтийского щита. В позднеледниковую эпоху в результате таяния ледника на месте современного Балтийского моря образовалось обширное пресноводное Балтийское ледниковое озеро. Впоследствии (около 13 тыс. л. н.) в результате прорыва озерных вод произошло соединение озера с океаном и образовалось Иольдиево море, а от Балтики отделилось Ладожское озеро. В дальнейшем изостатическое поднятие центра Скандинавии привело к отделению Иольдиевого моря от океана и образованию Анцилового озера, которое на севере Карельского перешейка соединялось проливом с Ладожским озером. Тектонические опускания Датских проливов (7.5—7.0 тыс. л. н.) вызвали новое соединение Балтики с океаном и образование моря, получившего название Литоринового. Его уровень первоначально был выше современного; после регрессии его отложения образовали вдоль берегов Балтики неширокие террасы, отделяющиеся высоким уступом от более древних ледниково-озерных террас. Неравномерное («с перекосом») изостатическое поднятие Балтийского щита вызвало трансгрессию Ладожского озера и образование озерных террас вдоль его южного берега. С трансгрессией Ладоги традиционно связывается и формирование Невы (1200—4500 л. н. по разным исследованиям). Однако в последние годы высказывается весьма спорное мнение, будто уровень Ладожского озера колебался незначительно на протяжении всего голоцена и Нева унаследовала позднеледниковый пролив, существовавший между южной частью Ладоги и Балтикой [11].

Таким образом, поверхность Балтийского-Ладожского субрегиона в поздне- и послеледниковое время претерпевала существенные изменения с неоднократной перестройкой всей системы водоемов и водотоков. Остальное пространство рассматриваемого региона, практически не испытывшее прямого влияния изостатического поднятия и эвстатических колебаний, находилось под воздействием неравномерных по направленности и интенсивности движений земной коры, в значительной мере определивших пестроту и контрастность современных ландшафтов. Одно из наиболее существенных последствий эпейрогенических движений — формирование тектонических впадин, занятых крупными озерами (Ильмень, Псковско-Чудское). Детальный анализ влияния неотектоники на ландшафты интересующей нас территории (усиление или ослабление естественного дренажа, наступание лесов на болота и, наоборот, зарастание озер и др.) за последнее тысячелетие дан в [10].

Расселение человека в связи с изменениями географической среды до начала русской государственности. Согласно П. М. Долуханову, обобщившему различные зарубежные и отечественные литературные источники, люди начали освоение моренной области на севере Европы еще в эпоху позднелед-

никового потепления во время существования Балтийского ледникового озера — между 13 400 и 11 000 л. н. [4, с. 369]. Однако не совсем ясно, что имеется в виду под «моренной областью на севере Европы». Из последующего текста можно предполагать, что речь идет о территории, охватывающей Голландию, северные районы Германии и Польши, притом о первой волне заселения области последнего оледенения. Появление человека на северо-западе Русской равнины автор относит к третьей волне, приходящейся на период позднего дриаса (около 10 000 л. н.), когда на берегах водоемов, связанных с Балтийским ледниковым озером, появились временные (сезонные) стойбища первобытных поселенцев.

В эпоху Анцилового озера (примерно 9500—8000 л. н.) началось широкое освоение прибрежных ландшафтов Восточной Прибалтики. Известны два поселения на Карельском перешейке, относящиеся к 9300 л. н. На южном побережье Финского залива в Анциловую эпоху существовали крупные мезолитические поселения Кунда и Нарва.

Климатический оптимум Атлантического времени, совпавший с трансгрессией Литоринового моря, способствовал освоению региона. В период 6500—6000 л. н. здесь существовала культура неолита, для которой типично производство керамики. Природопользование имело присваивающий характер, использовались преимущественно ресурсы рек и водоемов и, в частности, велась добыча тюленя. Характер поселений практически не изменялся, но происходило увеличение размеров поселений и общей численности населения.

В период суббореального похолодания (4500—4000 л. н.) распространилась так называемая культура шнуровой керамики, происходила адаптация к ухудшающимся климатическим условиям, усилились межобщинные экономические и культурные контакты, местами появляются элементы скотоводства, но признаки земледелия не обнаружены. Позднее, в эпоху бронзы и раннего железа, с прохладным и относительно засушливым климатом усиливается роль скотоводства.

С переходом к Субатлантическому времени появляется подсечно-огневое земледелие, существенно изменяется система расселения, возникают укрепленные городки (городища).

Существенный интерес представляют результаты новейших исследований археологического памятника в центре Санкт-Петербурга — древнейшей стоянки при впадении р. Охты в Неву [13]. Здесь, на месте поселения эпохи неолита—раннего металла, шведы построили в XIII в. крепость Ландскрона, а в XVII в. — Ниен (Ниеншанц).

Первые археологические находки в рассматриваемом районе датируются интервалом 4070—3600 лет до н. э. и относятся к периоду климатического оптимума Атлантического времени. Появление человека связано с окончанием Литориновой трансгрессии. По мере снижения уровня моря люди стали осваивать прибрежную полосу. Древнейшее поселение, относящееся к позднему неолиту, располагалось на берегу мелководного опресненного залива, постепенно отделившегося от моря песчаной косой и превратившегося в лагуну. Источниками существования были охота и рыболовство. Среди археологических находок — обломки глиняных сосудов, деревянные колья, коробка из коры и др. Периодические колебания уровня моря неизбежно осложняли существование поселенцев.

В 3500—3300 гг. до н. э. условия для поселения и сложившегося типа природопользования на месте Охтинской стоянки, очевидно, были неблаго-

приятными; археологические находки для этого времени отсутствуют. Второй (верхний) культурный слой стратиграфического разреза стоянки начинается на отметке, отвечающей примерно 3200 г. до н. э. Культура нового поселения относится к эпохе позднего неолита и энеолита. Здесь обнаружены остатки каменной кладки, приспособления для обработки камня и другое, в самой верхней части культурного слоя — остатки двух погребений, а также украшения из янтаря (что должно свидетельствовать о наличии связей с обитателями южных побережий Балтики). Авторы статьи указывают на наличие аналогий этих археологических находок с памятниками культуры Карелии, Финляндии и Прибалтики IV—III тысячелетий до н. э. [13, с. 18].

Около 1500 г. до н. э., согласно выводам авторов, природные условия в районе устья Охты снова начинают ухудшаться, что связано с формированием системы Невы (при этом они приводят также дату образования Невы, по М. Сарнисто (1996), а именно около 1350 г. до н. э.). Нева в течение нескольких столетий создала обширную дельту с множеством протоков, что, по-видимому, не благоприятствовало развитию традиционного природопользования.

Ко времени появления славян на Северо-Западе расселились довольно многочисленные балто-финские племена. В старейших летописях, начиная с «Повести временных лет», перечисляются корела (карелы), ижора, водь, весь (в «Повести временных лет» названа также емь, или ямь, обитавшая на территории нынешней Финляндии и впоследствии вошедшая в состав финского народа, но в XI—XII вв. платившая дань Новгороду). Все эти племена находились на стадии развития, соответствующей представлению о варварстве, хотя для русской научной литературы этот термин нетипичен.

Согласно той же «Повести временных лет», к середине IX в. на Северо-Западе, точнее преимущественно в его южной (подтаежной) части, расселились два самых северных славянских племени — ильменские словене и кривичи. Первые занимали Приильменье и узкие полосы вдоль рек бассейна р. Волхов, ареал вторых охватывал, по-видимому, бассейны р. Великой, верховья Западной Двины, Днепра и Волги.

Начиная с XVIII в. «Повесть временных лет» надолго оставалась важнейшим первоисточником по истории Древней Руси. На нее, в частности, ссылался и известный исследователь исторической географии российской колонизации М. К. Любавский [14]. Однако до сих пор остается много спорного и запутанного в вопросах о движущих силах, времени и путях славянской экспансии на север.

Родина славян находилась в самом центре Восточно-Центральной Европы, возможно в бассейне Дуная, откуда они широко распространились на север, юг и восток. В VII в. славяне заселили почти весь Балканский полуостров, а еще задолго до того дошли до среднего течения Днепра. Обширный ареал распространения славян располагался в основном в зоне широколиственных лесов и отчасти в лесостепи, что соответствует полосе экологического и агроклиматического оптимума умеренного пояса. Именно здесь достаточная обеспеченность солнечным теплом сочетается с нормальным атмосферным увлажнением, создавая условия для устойчивого земледелия. В то же время природный лесной покров из разнообразных пород благоприятствует развитию ремесел и совершенствованию быта населения. Основой хозяйства славян было земледелие в сочетании со скотоводством. В третьей четверти I тысячелетия наряду с подсечно-огневой системой земледелия стала практиковаться пашенная.

Первоначально представлялось вполне закономерным допустить, что славяне пришли на Северо-Запад с юга — из Среднего Поднепровья, где находились древнейшие славянские земли и откуда вел на север самый прямой и удобный водный путь — из верховий Днепра по системе притоков и волоков через верхнее Подвинье к р. Ловать, впадающей в оз. Ильмень. Возможен был и второй вариант — из Западной Двины к верховьям р. Великой и далее к Псковскому озеру. Эти «траектории» вполне соответствовали ареалам расселения двух самых северных славянских племен — кривичей и ильменских словен. Однако по мере углубления в детали стали появляться разные версии истории расселения славян на Северо-Западе Европейской России. Постепенно утвердилось представление о двух волнах славянской миграции на север — первая происходила около середины I тысячелетия н. э. С первой миграцией связывается приход кривичей, со второй — ильменских словен. При этом появилась версия о появлении кривичей не с юга, а с запада, точнее юго-запада, откуда-то из бассейнов Одера и Вислы. Основанием для такого вывода послужили некоторые археологические данные и лингвистические рассуждения. Один из главных аргументов различия между кривичами и ильменскими словенами — форма могильных курганов: у первых она продолговатая, у вторых — округлая («сопки»). Известны, впрочем, и более существенные различия между обоими племенами. Существует даже мнение, что кривичи происходят от местных балтийских племен. Наиболее вероятно, что они пришли (с запада?) к берегам Псковского озера не позднее середины V в. н. э. и проникли в междуречье Плюссы и Луги. Несомненно, что в процессе освоения они в значительной степени ассимилировали местное население и долгое время были изолированы от других славянских племен, чем можно объяснить их отставание в экономическом отношении; земледелие не было их главным занятием и сочеталось с охотой и рыболовством [16, с. 10—12].

Результаты новейших археологических исследований в «Днепровско-Ильменском коридоре» позволили И. И. Еремееву [5] заключить, что славянская миграция из Среднего Поднепровья на север началась еще в III—IV вв., и в V—первой половине VI в. переселенцы достигли оз. Ильмень, на берегах которого основали укрепленные городки. Жили они в полуземлянках, занимались подсечно-огневым и пашенным земледелием. По мнению названного автора, пришельцы первой волны переселялись небольшими группами с территории нынешней Белоруссии. Никаких намеков на «западную версию» у него мы не находим. Вторая волна, согласно И. И. Еремееву, приходится на VIII—IX вв. Она имела более существенные исторические последствия.

Причины древнеславянской «охоты к перемене мест» до сих пор не получили удовлетворительного объяснения. Может возникнуть соблазн сопоставить обе волны с климатическими колебаниями Субатлантического времени, но такое сопоставление вряд ли перспективно. Некоторое улучшение климатических условий в фазы потепления не было настолько существенным, чтобы спровоцировать массовую миграцию земледельцев на далекий север. Можно допустить, что главной причиной могли быть агрессивные действия воинственных соседей славян. Однако далеко не всегда предположения такого рода оказываются достаточно обоснованными. Это относится прежде всего к упомянутой ранее версии о западном происхождении кривичей. В этом случае их первоначальными западными соседями и потенциальными врагами должны были оказаться германцы. Но никаких прямых или косвенных свидетельств об их попытках вытеснить славян в период миграции кривичей не су-

ществует. В середине V в. (время появления кривичей в бассейне р. Великой) германские племена играли заметную роль в истории Европы, но эта роль не проявлялась в активных агрессивных действиях на востоке. Лишь значительно позже, в VIII в., возникла немецкая геополитическая доктрина «*Drang nach Osten*», и реализация ее началась захватом земель полабских славян в X—XI вв.

Первая волна славянского движения на север совпала с тем временем, когда в нынешней украинской лесостепи прочно закрепился союз славянских племен, известный у византийских писателей под греческим названием антов (IV—VII вв.). Примерно в этот же период (III—VI вв.) через причерноморские степи с востока на запад хлынул поток Великого переселения народов. Вряд ли следует искать какую-либо связь между этими событиями. Известно, что анты вели упорную борьбу с готами, а впоследствии, в VI в., вторглись в Византию и сыграли важную роль в славянской колонизации Балканского полуострова; но нет никаких указаний на возможность их участия в колонизации северо-запада Русской равнины.

Согласно М. К. Любавскому, движение русского населения на север «возобладало с того времени, как на юге нашей страны появились кочевники» [14, с. 46]. Но этот автор исследовал изменения в расселении уже после появления русской государственности, т. е. примерно с середины IX в., когда Киевская Русь стала главной силой, противостоящей Хазарскому каганату, разгромленному русскими войсками в 60-е гг. X в. В X в. Киевская Русь испытала нашествие печенегов, в XI в. — половцев. Трудно сказать, насколько эти события непосредственно повлияли на русскую колонизацию Севера. Однако обсуждение этой темы выходит за хронологические рамки содержания данной статьи.

И. И. Еремеев пришел к заключению, что при отсутствии письменных источников главная причина переселения славян на север «навсегда останется загадкой» [5, с. 524]. Самое простое решение этой загадки (как и многих иных аналогичных) предложил Л. Н. Гумилев [3]. Он объясняет происхождение мощных миграционных потоков «пассионарным толчком», исходящим откуда-то из Космоса. По его мнению, существует «ось пассионарности», протянувшаяся от юга Швеции через Центральную Европу до Эфиопии, и всякий этнос, попавший на эту ось, получает толчок, заставляющий его срывать с места и, преодолевая все препятствия, стремиться вперед. Обсуждать эту концепцию невозможно, так как от нее веет мистикой и в отличие от научной гипотезы она не опирается ни на факты, ни на аргументы. Можно лишь либо верить автору, либо не верить.

Возможно, следует искать более прозаические причины многих древних миграций: рост численности населения и недостаток площадей, пригодных для ведения хозяйства; распад первобытнообщинного строя и усиление имущественного (сословного, классового) неравенства. При такой ситуации не исключено, что инициаторами поиска новых земель оказывались не некие избранные из Космоса — «пассионарии», а наиболее обездоленные люди, которым нечего было терять. Вся последующая история человеческого общества, вплоть до наших дней, дает бесчисленные аналогии подобной ситуации, так что и здесь нам впору применить принцип актуализма.

И. И. Еремеев не согласен с традиционным представлением российских историков о «ползучей колонизации» славян и их мирном сосуществовании с местным балто-финским населением. Последнее ко времени прихода славян

уже знало пашенное земледелие. При низком техническом уровне обработки почвы (деревянное рало с железным наконечником) для земледелия использовались лишь немногие удобные для распашки площади, особенно в пойме оз. Ильмень и в долинах рек. Недостаток таких площадей неизбежно должен был вызывать борьбу между пришельцами и аборигенами, в которой первые побеждали, вытесняя и отчасти уничтожая вторых [5].

Достаточно напряженные отношения, также в основном из-за ограниченности удобных для распашки площадей, складывались между славянскими колонистами двух волн. Ильменские словене прочно обосновались в Приильменье. Хотя они застали там представителей первой волны (оставим за ними название кривичи), тех было относительно немного.¹ Однако без конфликтов из-за удобных земель, по-видимому, не обошлось. Распри между теми и другими приняли хронический характер. Постепенно выработалась неофициальная территориальная граница между двумя славянскими группами, проходящая примерно по водоразделу между бассейнами р. Великой и рек, впадающих в оз. Ильмень. Этот рубеж сохранил свою историческую функцию в течение многих последующих столетий, разделяя территориальные системы расселения псковичей и новгородцев, которые явились наследниками кривичей и ильменских словен соответственно. В этом следует усматривать один из ярких примеров глубокой унаследованности событий в истории и исторической географии.

Взаимоотношения между пришельцами-славянами и аборигенными племенами нельзя, однако, расценивать односторонне в негативном духе. Славяне в своем социально-экономическом и культурном отношении достигли более высокого уровня развития, и это не могло не оказать влияния на аборигенное население. С другой стороны, местные племена были лучше адаптированы к природной среде, выработали определенные навыки природопользования. Наконец нельзя не учитывать процессы ассимиляции славянами большей или меньшей части коренного населения, что должно было сыграть немаловажную роль в формировании русского этноса и его региональных отличительных особенностей.

Затрагивая эту сложную проблему, не относящуюся к компетенции автора, все же трудно обойти некоторые крайние высказывания, небезразличные для историкогеографа. В. И. Паранин [17] пытался доказать, что ильменские словене не имели ничего общего со славянами и были одним из балто-финских племен. К основанию русского государства они не имели отношения. Принятие славянского языка в качестве государственного, с его точки зрения, не имеет существенного значения. Начало государственности на Северо-Западе он приписывает народу русь, который также был не славянским, а прибалтийско-финским. Не стану подробно разбирать суждения В. И. Паранина, замечу лишь, что понятие «русь», возникшее около VII в., традиционно относилось к союзу славянских племен, обитавших в Среднем Поднепровье и явившихся как бы наследниками древних антов, о которых упоминалось выше.

Несколько иную, но не менее радикальную версию мы находим у Л. Н. Гумилева. По его мнению, русь (или руссы) в IX в. были «враги славян, вассалы хазар и друзья варягов» [3, с. 158]. Это были «варвары», не имевшие

¹ В окрестностях Великого Новгорода насчитывается 22 кургана ильменских словен и лишь 3 принадлежат кривичам [1, с. 16].

ничего общего со славянами, но постепенно слившиеся с ними под действием единого пассионарного толчка.

Одна из самых дискуссионных проблем отечественной истории — оценка роли варягов в формировании русской государственности. Если встать на позиции Л. Н. Гумилева, придется признать, что варяги (они же скандинавы, норманны и викинги) получили в VIII в. мощнейший пассионарный толчок, последствия которого весьма чувствительно ощущали на себе в течение более чем трех столетий приморские народы Западной и Южной Европы, а отголоски докатились до берегов Северной Америки. Попутно заметим, что этот «толчок» совпал с началом климатического оптимума субатлантического времени, известного даже под названием «эпоха викингов». На фоне богатой историческими событиями активности норманнов в Европе и Северной Атлантике их пребывание на северо-западе Русской равнины — лишь относительно небольшой эпизод. Здесь они несомненно оставили следы своей деятельности, но в сравнении со славянским населением их численность была невелика и состояла из вооруженных молодцев, образовавших совместно со славянскими «коллегами» (которым тоже не занимать было воинственности) «полиэтнические варяго-русские вольницы» [5]. В IX в. эти «вольницы» совершали походы на юг до верховий Волжского и Западновинского бассейнов.

Что касается роли норманнов (=варягов) в создании русской государственности, то ее, разумеется, не следует преувеличивать, но было бы ошибкой недооценивать летописные источники. Несмотря на легендарный характер некоторых сведений, из них достаточно ясна картина того, что «страна у нас велика и обильна, а порядка в ей нет». Несомненно, существовали распри между разными славянскими группами, а точнее, по-видимому, между их вожаками, и терпение рядовых жителей рано или поздно должно было лопнуть или привести к стихийным бунтам. При такой ситуации выход из положения можно было искать в обращении к иноземцам. Но из этого не следует, что иноземное происхождение властвующей династии должно было изменить социальный строй, экономику и культуру преобладающего этноса. Первые государственные образования на северо-западе Русской равнины были несомненно славянскими. Один из определяющих показателей — общепринятый русский язык, хотя некоторые авторы относятся к этому обстоятельству с пренебрежением. За языком стоит письменность, система внутриэтнических отношений и вся культура государственного сообщества. Трудно допустить, что в государстве общепринятым мог стать язык некоего этнического меньшинства.

Заключение. История заселения и освоения человеком северо-запада Русской равнины, испытавшего воздействие последнего материкового оледенения, относительно непродолжительна по сравнению с регионами древнейших цивилизаций, но достаточно богата как переменами в географической среде, так и событиями общественной истории: непрерывными миграциями различных племенных групп, их адаптацией к изменяющимся природным условиям, сменой культур и типов природопользования, борьбой за «жизненное пространство» и т. д. Для историкогеографа прямой интерес представляет последний этап послеледниковой (голоценовой) истории региона, соответствующий эпохе формирования современных цивилизаций, когда у разных этносов появились государственность и письменность, человек перешел от присваивающего природопользования к воспроизводящему и резко усилилось его воздействие на ландшафты. На Северо-Западе такая эпоха наступила око-

ло середины IX в. Однако при региональном историко-географическом изучении исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью обращаться к предыстории предмета. Практически это означает предварительный анализ событий предшествующего периода «варварства» в рассматриваемом регионе. Такой анализ дает многое для понимания историко-географических закономерностей и объяснения сложных явлений последующего исторического периода, в том числе их унаследованности вплоть до настоящего времени. Так, корни формирования северо-запада Русской равнины как самостоятельного историко-географического региона уходит в глубокое прошлое — к началу голоцена. Дифференциация этого региона на подрайоны, или регионы второго порядка, прослеживается по меньшей мере с первой половины IX в., когда определилось явное разделение «жизненного пространства» между двумя основными славянскими группами. Несколько позже, по-видимому, стал обособляться третий, Белозерский, подрегион. В качестве относительно стабильного постоянно действующего унаследованного фактора можно рассматривать ландшафтную структуру территории.

Список литературы

- [1] Антонова З. Е., Лисицин К. С., Гетманцева С. М. и др. География Великого Новгорода. Природа, население, хозяйство. Вел. Новгород, 2009. 287 с.
- [2] Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988. 523 с.
- [3] Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. 764 с.
- [4] Долуханов П. М. Динамика природной среды и процессы расселения на северо-западе Русской равнины // Изв. РГО. 1990. Т. 122, вып. 4. С. 369—375.
- [5] Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-история, 2010. 669 с.
- [6] Жекулин В. С. Историческая география ландшафтов (курс лекций). Новгород, 1972. 228 с.
- [7] Жекулин В. С. Историческая география: предмет и методы. Л.: Наука, 1982. 224 с.
- [8] Исаченко А. Г. Принципы историко-географического районирования (на примере Северо-Запада Европейской России) // Изв. РГО. 2013. Т. 145, вып. 1. С. 3—20.
- [9] Исаченко А. Г., Дашкевич З. В., Карнаухова Е. В. Физико-географическое районирование Северо-Запада СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. 246 с.
- [10] Исаченко Г. А. «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 474 с.
- [11] Клейменова Г. И., Верзилин Н. Н. Некоторые черты послеледниковых ландшафтов в зоне развития болота «Усть-Тосненское» // Изв. РГО. 2011. Т. 143, вып. 3. С. 65—73.
- [12] Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М.: Госполитиздат, 1954. 703 с.
- [13] Кулькова М. А., Сапелко Т. В., Лудикова А. В. и др. Палеогеография и археология стоянок неолита—раннего металла в устье р. Охты (С.-Петербург) // Изв. РГО. 2010. Т. 142, вып. 6. С. 13—31.
- [14] Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000. 302 с.
- [15] Манаков А. Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков, 2002. 298 с.
- [16] Манаков А., Кулаков И. Историческая география Псковщины (население, культура, экономика). М.: ЛА «Варяг», 1994. 316 с.
- [17] Паранин В. И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990.

- [18] Филимонова Л. В., Климанов В. А. Изменение количественных показателей палеоклимата в среднетаежной подзоне Карелии за последние 11 000 лет // Труды КарНЦ РАН, вып. 8. Петрозаводск, 2005. С. 112—120.
- [19] Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Зап. Геогр. о-ва СССР. Нов. серия. 1957, № 16. 337 с.
- [20] Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Новосибирск: Наука, 1993. 592 с.; Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с.
- [21] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. Т. 21. С. 8—178.

Санкт-Петербург
greg.isachenko@gmail.com
Санкт-Петербургский государственный университет

Поступило в редакцию
26 февраля 2013 г.

Изв. РГО. 2013. Т. 145. Вып. 3

© Б. С. ЖИХАРЕВИЧ, О. В. РУСЕЦКАЯ

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЧИНОВНИКОВ В ГОРОДАХ РОССИИ

Заглядывать в чужой кошелек — занятие сколь осуждаемое, столь и распространенное. В ряде ситуаций, впрочем, вполне оправданное — когда речь идет об общественных расходах и зарплатах лиц, финансируемых из общественного бюджета. Очевидно, что уровень зарплат государственных и муниципальных служащих должен быть известен обществу. Но вот каким он должен быть — уже совершенно не очевидно. Существуют как минимум две позиции. Первая — чиновники должны зарабатывать много (больше, чем в среднем), тогда они будут эффективнее управлять, ценить свою работу и иметь меньше соблазнов для получения коррупционных доходов (для этого, впрочем, нужна высокая вероятность выявления и неотвратимость увольнения за коррупцию). Вторая — чиновники не должны получать больше, чем в среднем, их зарплаты должны коррелировать с общими экономическими успехами территории. Доказать правильность той или иной позиции малореально. Но можно проследить ситуацию на региональном и муниципальном уровнях, зафиксировать некоторые факты и попытаться выявить факторы, от которых зависит отрыв зарплат чиновников от средних по региону или городу.¹

Исследованиями на региональном уровне известна консалтинговая компания ФБК, которая два года подряд публикует рейтинги регионов по «оторванности» региональных чиновников от народа [7, 8]. Так, в 2010 г. средняя

¹ Идея исследования возникла в развитие предложенной профессором НИУ-ВШЭ Л. И. Полищуком темы изучения заявленных и реальных приоритетов власти, что подтолкнуло авторов к изучению показателя разрыва зарплат чиновников и нечиновников как возможной меры расхождения интересов власти и населения.